

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно съ Іюля
1861 года.
Цѣна за годовое изданіе 4 р. сер.
съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух. Семинари и у вѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

28 ЯНВАРЯ

№ 31.

1862 г.

I.

Распоряженія Правительственныхъ.

УКАЗЫ ИЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СНОДА
отъ 31 Декабря 1861 года, объ отпечатаніи
св. Евангелія отъ Матвѣя на Мордовскомъ
языкѣ.

Святѣйшій Правительствующій Снодъ СЛУШАЛИ дѣло о напечатаніи перевода на Мордовскій языкъ св. Евангелія отъ Матвѣя. Въ обстоятельстве сего дѣла входилъ рапортъ Его Преосвященства, Епископа Тамбовскаго Оеофана, отъ 4 Іюля 1861 года по сему же предмету и, по справкѣ, ПРИКАЗАЛИ: Усматривая изъ донесенія Его Преосвященства, что находящіеся въ Синодальныхъ книжныхъ запасахъ экземпляры четвероевангелія на Мордовскомъ языкѣ не могутъ быть употребляемы между мордовцами Тамбовской епархіи, по различію нарѣчія онаго четвероевангелія отъ того нарѣчія, которое употребляютъ мордовцы означенной епархіи, и что по сему представляется надобность въ напечатаніи одобреннаго особымъ комитетомъ и разрѣшеннаго Святѣйшимъ Снодомъ

Ч. II.

5.

домъ къ изданію Евангелія отъ Матоея, переведеннаго на Мордовскій языкъ бывшимъ профессоромъ Тамбовской Семинаріи Тюменевымъ, — Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поручить Духовно-Учебному Управленію сдѣлать распоряженіе о напечатаніи, согласно съ постановленіемъ Синода 5 Октября 1860 года, составленнаго Тюменевымъ перевода на Мордовскій языкъ Евангелія отъ Матоея, для чего въ то Управленіе и передать выписку изъ сего опредѣленія, сообщивъ таковую же и въ Хозяйственное Управленіе, съ возвращеніемъ экземпляра четвероевангелія, а Его Преосвященству о такомъ распоряженіи дать знать указомъ.

II.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

1) Объ опредѣленіи на священно-служительскія мѣста и увольненіи.

Въ село Шехмановку Козловскаго уѣзда къ новостроющейся церкви, по прошенію храмоздателей, произведенъ во священника наставникъ Богоявленскаго сельскаго училища, изъ окончившихъ курсъ Семинаріи, воспитанникъ Василій Суренкій.

— Въ селѣ Куликовѣ Уманскаго уѣзда, по опредѣленію Епархіальнаго начальства, согласно желанію прихожанъ, по достаточному количеству прихожанъ, открыта 3-я священническая вакансія, на которую опредѣленъ тогожъ села діаконъ

конъ изъ окончившихъ курсъ Семинаріи, Василій Милютинъ (а діаконское мѣсто въ томъ селѣ зачислено за сиротою священническою дочерью Татианою Ястребовою).

— Села Пикольскаго, что на Сурень, Козловскаго уѣзда, священникъ Евлампій Еремѣевскій, за невоздержную жизнь, вѣлѣдствіе донесенія вѣдомственнаго благочиннаго, низведенъ на причетническую должность. На мѣсто его опредѣленъ во священника окончившій курсъ Семинаріи воспитанникъ Алексѣй Заринъ, со взятіемъ въ замужество старшей изъ дочерей Еремеевскаго.

— Діаконъ села Лѣснаго Конобѣева, Шацкаго уѣзда Василій Гумилевскій, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, уволенъ за штатъ. На мѣсто его опредѣленъ во діакона сынъ его студентъ Черниговской Семинаріи Дмитрій Гумилевскій.

— Діаконъ села Средней Оржевки Кирсановскаго уѣзда Михаиль Оржевскій, согласно прошенію, уволенъ отъ должности и, какъ вдовый, опредѣленъ въ Козловскій Троицкій монастырь, въ число братства. На мѣсто его опредѣленъ во діакона уволенный изъ нисшаго отдѣленія Семинаріи ученикъ Михаиль Успенскій, со взятіемъ въ замужество старшей дочери Оржевскаго.

III.

Извѣстія и объявленія.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ
ВЪ 1862 ГОДУ.

Вотъ уже истекаетъ второй годъ отъ начала изданія Душеполезнаго Чтенія. Его направленіе и характеръ довольно уже опредѣлились. Оно пріобрѣло себѣ, по милости Божіей, не только довольно читателей, но и друзей, которые, ободряя насъ, не оставляютъ справедливыми и полезными для насъ замѣчаніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при современномъ разнообразіи взглядовъ на духовную литературу и требованій, обращаемыхъ къ ней со стороны нашего общества, мы слышимъ и такія сужденія, по которымъ (если имъ слѣдовать) намъ надлежало бы измѣнить свойства нашего изданія, почитаемыя нами не обходимыми и существенными принадлежностями всякаго духовнаго журнала, которыхъ измѣнять мы не желаемъ, или, лучше сказать, почитаемъ себя не въ правѣ. Это поставляетъ насъ въ необходимость дать съ своей стороны на такія сужденія нѣкоторыя объясненія.

Всѣ такія сужденія исходятъ изъ одного общаго понятія о современности, или не современности того или другаго духовнаго изданія, т. е. изъ такого понятія, которое наименѣе ясно представлено и точно опредѣлено въ русской литерату-

рѣ. У насъ слово *современный* получило такое же значеніе, какъ и слово: *хорошій*. Слова *современная книга, современный человекъ* почитаются равносильными словамъ: *прекрасная книга, здравомыслящій, благородный человекъ*. Поэтому все, что сколько нибудь несогласно съ духомъ настоящаго времени, съ укоризною называютъ *несовременнымъ*, слѣдовательно, не хорошимъ, не стоящимъ вниманія. Если православный христіанинъ будетъ оцѣнивать достоинство всякой мысли и дѣла только потому, признаются ли они современными, или нѣтъ, то, пожалуй, современемъ ему придется отказаться отъ своей св. вѣры и своего святаго имени, когда то и другое станутъ называть *несовременнымъ*. Но намъ, вѣрующимъ въ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, надобно знать, что Его ученіе есть ученіе Божественное, данное не для одного какого-нибудь времени, но *на все времена*, что оно есть единственное чистое и святое ученіе, могущее указать намъ все, что есть ложнаго въ мысляхъ и нечистаго въ дѣлахъ людей всякаго времени, слѣдовательно и нашего: Господь нашъ есть *свѣтъ просвѣщающій всякаго человека*, не только нынѣ живущаго на землѣ, но и *грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Не ученіе христіанское должно измѣняться сообразно съ понятіями людей какого-бы-то-ни-было времени, но люди всякаго времени должны по его руководству исправлять и располагать свои мысли и дѣла; не оно должно дѣлать уступки кому-либо и въ чемъ либо, но ему должны уступать все и во всемъ. Таково коренное убѣжденіе всякаго христіанина, который хочетъ быть хри-

стіашинномъ истиннымъ. Отступленіе отъ него будетъ измѣною христіанскому ученію.

Мы говоримъ это только для того, чтобы объяснить, откуда происходятъ занимающія насъ сужденія, и оцѣнить, въ какой мѣрѣ они справедливы.

Намъ говорятъ: «вы излагаете обыкновенное, всемъ извѣстное христіанское ученіе. Пынь, что бы заинтересовать общество и имѣть читателей, надобно что нибудь новенькое.» Правда, мы излагаемъ обыкновенное, лучше же сказать, исповѣдуемое всею вселенскою Церковію христіанское ученіе, и притомъ поставили цѣлю своего изданія избирать изъ этого ученія самыя общедоступныя предметы и излагать ихъ самымъ простымъ, общепонятнымъ языкомъ. Для кого это не нужно, кто по любознательности ищетъ болѣе глубокаго познанія христіанскаго ученія, тому открыты другіе духовные журналы и ученія христіанскія сочиненія. Но притомъ мы знаемъ, что есть цѣлые милліоны Христіанъ въ нашемъ отечествѣ, которымъ и начатки христіанскаго ученія неизвѣстны. Мы видимъ и то, что въ нашемъ, и самомъ образованномъ, обществѣ бродитъ множество ложныхъ понятій о вѣрѣ, церкви, христіанской жизни, которыя обличаютъ въ немъ скудныя познанія, чтобы не сказать, совершенное незнаніе христіанскаго, ученія. Одному изъ насъ довелось однажды участвовать въ спорѣ съ человекомъ, въ свѣтскомъ смыслѣ, очень образованнымъ. Когда дѣло дошло до точнаго и определеннаго изложенія христіанскихъ истинъ, образованный человекъ чувствовалъ, что онъ по-

паль въ область совершенно ему неизвѣстную и, желая объяснить себѣ трудность, съ которою онъ понималъ богословское ученіе, сказалъ своему противнику: «намъ надобно условиться въ выраженіяхъ.» Выраженія т. е. точныя опредѣленія богословскихъ истинъ, извѣстны давнымъ-давно всему ученому христіанскому міру, а онъ еще собирается условиться въ выраженіяхъ. Такъ-то мало развита въ нашемъ обществѣ *ученая совесть*, по которой не позволительно унижать и отвергать то, чего не знаешь, и спрашивать *новенькаго* можно только тогда, когда старое совершенно извѣстно. Мы говоримъ это о усвоеніи христіанскихъ истинъ умомъ; но есть другое усвоеніе ихъ *оснавно* сообразною съ закономъ Христовымъ. Такая жизнь, усовершеншая всего человѣка, а вмѣствъ съ тѣмъ и его разумъ, вводитъ его въ рядъ непрестанно новыхъ, неисчерпаемыхъ и животворныхъ истинъ, которыя будутъ для насъ предметомъ вѣчнаго изученія и созерцанія въ этой и будущей жизни. Этотъ способъ, и при томъ главный способъ истиннаго познанія христіанскаго ученія, нынѣ забытъ почти совершенно, и отъ того-то являются странныя желанія *новенькаго* т. е. новенькой человѣческой примѣси къ Божественному ученію, «Исполниай заповѣди», говоритъ св. Григорій Богословъ, «я по нимъ, какъ по ступенямъ, будешь восходить къ созерцанію». Объяснять въ настоящее время нашему обществу, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ ведетъ упадокъ въ немъ знанія христіанскаго ученія, доказывать необходимость *опытнаго познанія* его, наиболѣе свидѣтельствующаго объ его благотвор-

ности и Божественномъ достоинствѣ, мы почитаемъ *самою современною* задачею всякаго духовнаго, а слѣдовательно, и нашего изданія.

Намъ говорятъ: «вы излагаете слишкомъ строгія, неприложимыя правила христіанской жизни; вы представляете такіе примѣры благочестія, которыми нынѣ слѣдовать невозможно. Нынѣ люди не тѣ, что были въ старое время. Нынѣ надобно быть снисходительнѣе». Спрашивается, кто же намъ далъ право измѣнять смыслъ, или ослаблять силу заповѣдей Божіихъ? Мы излагаемъ не свое ученіе, а ученіе Христа Спасителя нашего. Мы можемъ жалѣть и о себѣ и о другихъ, что мы нравственно разслабѣли, что день отъ дня чистая христіанская жизнь становится для насъ труднѣе, но не должны еще болѣе содѣйствовать этому разслабленію, ослабляя произвольно строгость даннаго намъ закона Божія. И насъ самихъ и всѣхъ христіанъ Господь будетъ судить по Своему закону, а не по нашимъ мнѣніямъ. Съ этою-то именно цѣлію мы и стараемся излагать законъ Господень, по мѣрѣ нашего разумѣнія, во всей его силѣ, чтобы яснѣе видны были наши уклоненія отъ него; для того мы и представляемъ высокіе примѣры христіанской жизни изъ исторіи Церкви, чтобы видно было, какъ мы далеки отъ нихъ, и какъ необходимо намъ по возможности приближаться къ нимъ, чтобы не остаться съ однимъ именемъ христіанъ. Называть, при свѣтѣ ученія Ханстова, современную здравую мысль—здравую, современное заблужденіе—заблужденіемъ, современную добродѣтель—добродѣтелию, современный порокъ—порокомъ, со-

временную слабость — слабостью, помогать, по мѣрѣ силъ нашихъ, освобожденію общества отъ современныхъ заблужденій, слабостей и пороковъ, — въ этомъ мы также поставляемъ *современность* нашего изданія.

Намъ говорятъ: «пишите легче, какъ можно легче; только самыми легкими духовными сочиненіями можно заохотить наше общество къ чтенію духовныхъ журналовъ». Это слово *легче* имѣетъ нынѣ смыслъ самый неопредѣленный; ему, какъ намъ кажется, придаютъ такое значеніе, что и изъ духовныхъ журналовъ можно сдѣлать легкое, *послѣобѣденное* чтеніе, что и духовнымъ сочиненіямъ можно придать такой раздражающій воображеніе и сердце интересъ, какой имѣютъ повѣсти, романы и другія легкія свѣтскія сочиненія, о которыхъ говорятъ: «легко читается», т. е. не требуетъ никакого напряженія ума и собранности духа. Если этого требуютъ отъ журналовъ духовныхъ, то требуютъ невозможнаго, хотятъ, чтобы они измѣнили своему назначенію и своему характеру. Христіанское ученіе по существу своему таково, что оно не можетъ возбуждать и питать въ сердцѣ нашемъ никакихъ пріятныхъ для чувственности ощущеній; оно тяжело для лѣниваго ума; оно всегда безпокойно для дремлющей совѣсти. Жизнь христіанская есть трудъ, и трудъ упорный, постоянный, пожизненный. По слову Спасителя нашего, «царствіе небесное силою берется, и употребляющіе усилія восхищаютъ его» (Матт. 11 12). Если же такова жизнь христіанская, то учиться ей не легко, и учить ей шутя нельзя. И тому, кто хочетъ послужить

ближнему по силамъ своимъ въ этомъ важномъ дѣлѣ своими сочиненіями, и тому, кто хочетъ найти въ этихъ сочиненіяхъ руководство къ духовной жизни, т. е. и писателю и читателю, надобно не лѣнясь трудиться и умомъ и всѣми силами духа. Притомъ, и трудясь, успѣха въ великомъ дѣлѣ нашего духовнаго просвѣщенія и правдивнаго исправленія мы можемъ ожидать не отъ себя, а только отъ Бога и Его святой благодати. Если духовный писатель помнить, что онъ дѣлаетъ дѣло Божіе, онъ не можетъ не чувствовать, что всякое слишкомъ легкое, т. е. пустое, праздное, шутливое слово только повредитъ его святому дѣлу. Таковъ долженъ быть духъ христіанина; таковъ долженъ быть и духъ христіанскаго или духовнаго изданія. Онъ долженъ преобладать вездѣ, не только прямо въ учительныхъ сочиненіяхъ, но и во всѣхъ статьяхъ, касающихся церковной и общественной жизни. Издатели духовныхъ журналовъ должны заботиться о томъ, чтобы давать народу чтеніе духовно-занимательное, духовно-питательное, духовно-утѣшительное, однимъ словомъ, всѣми способами располагающее къ *духовной жизни*. Духовное чтеніе, не имѣющее этого характера, не будетъ духовнымъ въ истинномъ смыслѣ; оно будетъ только портить чистый духовный вкусъ нашего православнаго народа. Въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ, надобно признаться, духовный вкусъ довольно уже испорченъ; мы не можемъ льстить вкусу испорченному, и должны беречь народъ.

Выражая такія убѣжденія, мы напередъ отключаемъ отъ себя обвиненія въ томъ, что мы

хотимъ поддерживать разобщеніе духовной литературы съ наукою и съ свѣтскою литературою, что мы чуждаемся всякаго участія въ живыхъ современныхъ вопросахъ. Мы рады участвовать и участвуемъ по силамъ нашимъ, въ предѣлахъ нашей программы, въ современныхъ движеніяхъ на пользу общую. Мы готовы сближаться съ наукою и литературою свѣтскою, — но на известныхъ условіяхъ, т. е. съ сохраненіемъ неприкосновенности божественнаго достоинства ученія и закона Христова, съ сохраненіемъ истиннаго характера исповѣдниковъ и проповѣдниковъ этаго ученія, которымъ сказано: *вся искушающе добрая держите* (1 Сол. 5, 21).

При такихъ убѣжденіяхъ, призывая въ помощь благодать Божию, которая одна можетъ дать истинный свѣтъ человѣческой мысли и силу человѣческому слову, — мы будемъ продолжать изданіе *Душеполезнаго Чтенія* и въ будущемъ 1862 году, по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ и уже неоднократно нами объявленной.

Цѣна всему годовому изданію *Душеполезнаго Чтенія* назначается прежняя: въ Москвѣ 3 руб. сер., съ пересылкою во все города Россійской Имперіи 3 руб. 50 коп. сер.

По тойже цѣнѣ можно получать изданія *Душеполезнаго Чтенія* за 1860 годъ и за 1861 годы.

Подписки на Душеполезное Чтеніе принимаются для иногороднихъ исключительно:

Въ конторѣ Редакціи, въ домѣ Священника Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви Алексѣя Ключарева, въ Москвѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вышли въ свѣтъ и продаются слово къ Тамбовской паствѣ Преосвященнаго Оеофана Епископа Тамбовскаго. Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою. Продаются въ С. Петербургѣ у книгопродавцевъ Свѣшниковъ, Кораблева, Сирякова и въ Тамбовѣ въ книжной лавкѣ при Казанскомъ монастырѣ и въ Канцеляріи Преосвященнаго.

25 Генваря 1862 г. Печатать дозволяется. Цензоръ Протоіерей
Іоаннъ *Москвичъ*.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государственныхъ Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ
ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

28 январа

№ 31.

1862 г.

Слово Св. Отца нашего Еврема Сирина — о покаяніи. Тихвино-Богородскій женскій монастырь. — Слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ. — О домашнихъ занятіяхъ древнихъ христіанъ священнымъ писаніемъ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЕВРЕМА СИРИНА
О ПОКАЯНІИ. (*)

Покаяніе—многообильный плодъ, возлюбленные; потому что всякими способами приносить Богу доблестныя дѣла. Это—многоплодное поле; потому что воздѣлывается во всякое время. Это—древо жизни; потому что воскрешаетъ многихъ умершихъ грѣхами. Къ нему прививается всякое небесное учрежденіе; потому что оно сопричастно Божеству. Богъ увеселяется имъ, какъ силою Своего творчества; потому что, кого грѣхъ пытается погубить, тѣхъ возсозидаетъ оно къ Божіей славѣ. Покаяніе—не ущербующій Божій мѣшецъ; потому что человѣческія души сберегаетъ отъ погибели. Это—обильный прибитокъ у Бога; потому что приводитъ къ Нему человѣковъ, и толпами собираетъ грѣшниковъ.

Богъ видѣлъ, что родъ человѣческій возмущается врагомъ и къ низложенію его противопоставилъ покаяніе. Врагъ убѣждаетъ согрѣшить, а

(*) Часть 3 стр. 259 Изд. Моск. Академ.

покаяніе готово приять согрѣшающаго. Врагъ побуждаетъ сдѣлать беззаконіе, а покаяніе совѣтуетъ обратиться. Одинъ нудитъ къ отчаянію, а другое обѣщаетъ надежду спасенія.

Діаволь не дастъ нечестивымъ одуматься, представляя имъ суровость покаянія. А покаяніе, видя хитрость его, подходитъ съ ласкою и говоритъ: «приведите только себѣ на память Бога, и я потружусь за васъ; представьте въ умѣ Его милосердіе, и я буду ходатайствовать за васъ съ воздыханіями. Слегка только воздохните, грѣшники, въ покаяніи, и сдѣлаю васъ Божіими слугами. И Пророкъ Исаія сказалъ: *егда возвратился воздохнеши, тогда спасешися* (Иса. 30, 15). Вотъ, говоритъ покаяніе, привожу тебѣ и свидѣтельство; только покайся».

Когда сопротивникъ видитъ, что, внушая нечестивымъ отчаяніе, препобѣждается ими; тогда употребляетъ другой способъ, улещааетъ грѣшника предаваться страстямъ и успѣвать въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ. Но покаяніе снова протривится ему, уничтожая въ совѣсти оболещеніе, уязвляетъ совѣсть, поражаетъ разсудокъ, чтобы пробудить усыпленную душу. Ибо оболещеніе смущаетъ совѣсть, дѣлается предъ нею темнымъ облакомъ и преграждаетъ ей доступъ къ Богу.

Совѣсть имѣетъ естественное къ Нему стремленіе, и отвергаетъ вкрадшуюся прелесть. Часто грѣхъ безстыдно вторгается, но совѣсть, воспользовавшись обстоятельствами времени, беретъ верхъ. Приходитъ ли кто въ страхъ, находясь въ темномъ, — она обличаетъ, что это по причинѣ грѣха. Или на кораблѣ приведенъ будетъ кто въ смятеніе бурнымъ волненіемъ моря, — совѣсть напоминаетъ ему нечестіе его. Или при землетрясеніи приводитъ на мысль беззаконія. Или когда одинъ кто на пути,

обновляеть въ памяти страсти его. Наконецъ, если не обратится, обличаетъ, когда впадетъ въ немощь и въ тѣлесную болѣзнь, и онъ по животолюбію даеть обътъ Богу сокрушить въ себѣ грѣхъ. Боясь умереть и лишиться пріятностей жизни, терпять онъ терзаніе совѣсти, и прибѣгаетъ къ покаянію—этому посреднику Бога и человѣковъ.

Такъ случилось съ юношею, упоминаемымъ въ Евангеліи, который, взявъ у отца наслѣдство и отправившись въ дальнюю сторону, расточилъ имѣніе съ блудницами, забавлялся, пируя неблагопрістойно, издержалъ все, что имѣлъ, и немогъ снести одиночества даже на краткое время; потому что покаяніе пріятности прежней жизни обратило ему въ обличеніе, внушая, что скудость произошла не случайно, но по обольщенію какого то врага. Возжелалъ онъ той жизни, которую называлъ вождедьною, и не терпя жить въ скорбяхъ, переносилъ обличеніе совѣсти. Такъ изнѣженность прежней жизни стала причиною обращенія; мучительная скудость противъ воли привела его къ благочестію. Чтоже говоритъ юноша?—*Иду къ отцу моему и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (Лук. 15, 18). О, какое мудрое покаяніе! О, какое благоискусное домостроительство! Покаяніе попустило юношѣ впасть въ обманъ; наскочилъ на него діаволь, дѣлалъ что хотѣлъ, покаяніе безмолвствовало, обличеніе совѣсти молчало, повелѣвало ему до времени не приступать къ дѣлу, и когда встрѣтилось нужное время, какъ мать, распростерши лоно свое, заключило его въ объятія, исторгло его изъ рукъ мачихи—сластолюбія, чтобы возвратить матери—благочестію. И такъ юноша говоритъ: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою*. Согрѣшившій сынъ позналъ отца, жалуясь, что обольстившій его есть отчимъ и злоумышлен-

никъ; увидѣлъ онъ коварство, увидѣлъ обольщеніе, и притекъ къ покаянію, какъ матери. Долгое время терпѣлъ онъ голодъ, иктался рожцами, терпѣлъ жажду, долго лица съ свиньями грязи. Но покаяніе, какъ сердобольная мать, подавая свои сосцы, юношу, какъ дѣйствительнаго младенца, снова питаетъ млекою. Если бы не было млека, не могъ бы онъ исцѣлиться; потому что весьма изнемогъ, въ срамной жизни расточивъ естественный умъ. Но кто не могъ возстать, того возставило покаяніе, нанитавъ млекою; оно уврачевало крайне немощнаго, и отдало на руки отцу; заблудшую овцу возвратило Пастырю.

Не должно, братія, отчаяваться въ спасеніи, имѣя мать—покаяніе. Не должно, возлюбленные, терять надежду на спасеніе, когда утѣшаетъ насъ такая мать. Богъ послалъ Духа Святаго, и освятилъ Церковь, Онъ послалъ Апостоловъ благовѣствовать язычникамъ. Мы—стадо Его, и Онъ—нашъ пастырь и пинѣ, какъ и въ раю. Онъ далъ покаяніе, какъ очистительную воду. Если въ чемъ прегрѣшимъ, имъ омываемся. У насъ есть баня не только *наки бытія*, но и *обновленія* (Тит. 3, 5). Если въ чемъ согрѣшимъ, омывшись покаяніемъ, дѣлаемся чистыми.

ТИХВИНО-БОГОРОДСКІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

въ городѣ Кирсановѣ.

Историческій очеркъ.

«Сила Моя въ немощи совершается», изрѣчено самимъ Господомъ учителю языковъ (2 Кор. 12, 9). Сказанное о великомъ дѣлѣ Божіемъ—насажденіи въ мірѣ Церкви Христовой руками немощныхъ, въ глазахъ міра, рыбарей—Апостоловъ легко при-

мѣняется и нияѣ ко всякому дѣлу Божию. И нияѣ всякое дѣло Божіе, т. е. предпринимаемое съ живою вѣрою въ зиждительную силу Божию, для славы святаго имени Божія, совершается благоуспѣшно, часто съ чудодѣйственной легкостію, вопреки всѣмъ, по расчету человѣческому, трудностямъ. — Никто не станетъ спорить, что устройство св. обителей въ нашей Православной Россіи есть дѣло по преимуществу Божіе. Среди пустыни міра, обуреваемого безчисленными житейскими невзгодами и крушеніями, не представляютъ ли собою наши православныя обители какбы нѣкоторыхъ зеленѣющихъ оазисовъ, на которыхъ пріятно отдыхаетъ взоръ утомленнаго жизнію путника? Напрасно безсильная злоба нѣкоторыхъ міролюбцевъ истоцаетъ всѣ успія, отыскивая черныя пятна въ сокровенномъ затворѣ той или другой изъ нашихъ православныхъ иноческихъ обителей. Гдѣ ихъ нѣтъ, —этихъ пятенъ? Ихъ нѣтъ только въ мірѣ, собственно ангельскомъ; а тамъ, гдѣ живутъ люди, они неизбѣжны. А между тѣмъ: сотни и тысячи большихъ, престарѣлыхъ, сирыхъ, —гдѣ нашли бы себѣ болѣе безопасный и безмятежный пріютъ, какъ не въ обители? Ревнующіе о безмолвіи, жаждущіе душевнаго спасенія, въ тишинѣ содѣваемаго, гдѣ нашли бы удовлетвореніе своей душевной жаждѣ, какъ не въ обители? Но не будемъ распространяться въ защитѣ и похвалахъ православнымъ обителямъ нашимъ. Устройство и процвѣтаніе ихъ, какъ очевидное дѣло Божіе, сильнѣе и краснорѣчивѣе всякой апологіи говоритъ за нихъ. Не будь наши обители дѣломъ Божиимъ: онѣ давно бы исчезли съ лица земли русской. Это и случилось на католическомъ западѣ, особенно, въ странѣ по преимуществу католической, Испаніи. А православныя обители растутъ и цвѣтутъ; древнія большею частію умножа-

ются и процвѣтають, а вновь устрояемыя часто возрастають съ изумительною, чудодѣйственною скоростію.

Къ числу послѣднихъ, т. е. устрояемыхъ быстро, по какому-то чудному маповенію силы Божіей, безпорно принадлежитъ женскій Тихвино-Богородскій монастырь въ городъ Кирсановъ. Менѣе полу столѣтія назадъ, на мѣстѣ сказанной нами обители почти не было ничего. Или: тамъ, гдѣ теперь обширная каменная церковь, обставленная большими и малыми, каменными и деревянными зданіями, опоясанная за тѣмъ съ трехъ сторонъ каменною, а съ четвертой деревянною, оградой,—на этомъ мѣстѣ, назадъ тому сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, было только нѣсколько жалкихъ крестьянскихъ хижинъ, съ гумнами и огородами. Можно ли не удивляться такой быстротѣ устроенія обители, начавшей притомъ свое существованіе (подобно впрочемъ очень многимъ монастырямъ) безъ всякихъ средствъ, самымъ малымъ обществомъ вдовъ и дѣвицъ, бѣдныхъ и сирыхъ, умбующихъ только молиться и трудиться? Но объ этомъ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Цѣль наша познать читателя съ краткою исторіею Тихвино-Богородскаго монастыря, замѣчательнаго, какъ по необычайно-быстрому его устроенію и благоуукрашенію, такъ и по отношенію къ тѣмъ немногимъ людямъ, которые были орудіями, въ рукахъ Божіихъ, столь быстро устроенія обители и въ своемъ мѣстѣ стяжали себѣ ими замѣчательныхъ труженицъ и подвижницъ. Какъ можетъ видѣть читатель, мы не имѣемъ нужды проникать въ глубину древности, чтобы отыскивать начало этого монастыря: это начало хорошо помнятъ старожилы г. Кирсанова, при которомъ стоитъ обитель. Такимъ обр. недостатокъ письменныхъ па-

вятниковъ о монастырѣ, хранящихся, въ небольшомъ числѣ, въ архивѣ монастырскомъ, легко восполняется сказаніями старожиловъ города и монастыря—очевидцевъ постепеннаго благоустроенія обители (*). Но прежде всего познакомимся съ мѣстностію и внѣшнимъ видомъ монастыря.

Мѣстоположеніе и видъ монастыря.

Тихвино-Богородскій общежительный женскій монастырь лежитъ на сѣверной сторонѣ гор. Кирсанова и почти не отдѣляется отъ него, хотя довольно удаленъ отъ центра города. Чертою, отдѣляющею монастырь отъ города въ настоящее время, развѣ можно считать полосу пустопорожной земли, которая еще не такъ давно составляла кварталъ городскихъ домовъ, истребленныхъ пожаромъ. Половою этою монастырь отдѣляется съ западной стороны отъ города—не одинъ, но съ нѣсколькими, рѣдко—разсаженными домами городскихъ жителей. Это—дома, оставшіеся послѣ пожара или вновь воздвигнутые; они мало замѣтны въ общемъ, среди своихъ обширныхъ огородовъ и садиковъ отдѣляясь еще другъ отъ друга пустырями, образовавшимися послѣ пожара. Так. обр. монастырь, числящійся въ городѣ (онъ и стоитъ на городской землѣ), на самомъ дѣлѣ лежитъ за городомъ, удаленный отъ безпокойнаго городского сосѣдства. Ближайшіе его сосѣды—городскіе, рѣдко разсаженные, дома—самые не шумные. Съ прочихъ сторонъ, кромѣ стороны къ городу, обитель не имѣетъ населеннаго сосѣдства.—

(*) Мы руководились этими устными преданіями, при составленіи «историческаго очерка монастыря», тамъ, гдѣ былъ недостатокъ письменныхъ документовъ—и въ особенности при описаніи замѣчательныхъ лицъ въ обители. Къ письменнымъ документамъ, кромѣ официальныхъ бумагъ, мы относимъ некоторыя домашнія монастырскія записки о томъ или о другомъ событіи, о томъ или о другомъ лицѣ. На нихъ мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Нельзя назвать живописною мѣстность Тихвинскаго женскаго монастыря; но эта неживописность мѣстности вполне выкупается красотою и какою-то свѣжестію общей картины монастырскихъ зданій, оныхъ бѣлою, каменною оградой, если смотреть на него съ западной стороны. Общая фигура мѣстности монастыря продолговатый четырехугольникъ. Расположенный на довольно пологомъ полугорьѣ, идущемъ отъ запада къ востоку, онъ возвышенною (западною) стороною своею смотритъ на открытый городской выгонъ, а другою низменною упирается въ незначительную рѣчку Пуревку. Первая занята церковію и кельями, послѣдняя—садомъ и большимъ огородомъ. За огородомъ, отъ рѣчки опять поднимается косогорь къ востоку, уже болѣе возвышенный, чѣмъ западное полугорье. Съ этой восточной возвышенности видъ на обитель несравненно живописнѣе западнаго. Монастырь представляетъ собою видъ маленькаго городка или крѣпостцы, въ бѣлой стѣнѣ которой (со стороны города) городскіе дома и домики представляются чѣмъ-то въ родѣ форштадта, или пригородья. Городокъ этотъ, правильный продолговатый четырехугольникъ, производитъ на тебя весьма пріятное впечатлѣніе. Наполненный каменными и деревянными корпусами и корпусками, келіями и келійками, онъ представляетъ въ этомъ концѣ своей четырехугольной вмѣстимости (въ западной) пеструю панораму. Пестрота эта принимаетъ характеръ увеселительный, освѣжающій отъ множества зелелѣющихъ деревьевъ при корпусахъ и келіяхъ. Сады и поленсады при келіяхъ либо полуосѣняютъ, либо вовсе прикрываютъ зданія, перемѣшиваются съ ними въ разнообразной игрѣ цвѣтовъ и тѣней, и въ цѣломъ представляютъ пріятную, успокоивающую душу, картину. Куполъ вы-

соекой церкви, стоящей въ центрѣ зданій, господствуетъ надъ зданіями; огромная глава храма издали какбы еще болѣе ширится, какбы покоится на монастырскихъ зданіяхъ, и тѣмъ завершаетъ напораму обители. — Восточная, болѣе обширная по мѣстности, часть обители, занимаемая обширнымъ огородомъ и садомъ, представляетъ поле не престанныхъ работъ неутомимо—трудолюбивыхъ сестеръ обители. Это въ собственномъ смыслѣ муравейникъ, въ которомъ, кромѣ зимнихъ мѣсяцевъ, круглый годъ неутомимая копотня и работа. Весною, лѣтомъ, и осенью, въ непраздничные дни, вы рѣшительно не улучите одного часа, когда бы огородъ монастыря не былъ болѣе или менѣе наполненъ сестрами — труженицами. И это неудивительно. Нужно же пропитаться такой огромной семьѣ, какую представляетъ въ настоящее время обитель, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. И огородъ монастыря, при неутомимой обработкѣ его сестрами, довольствуется отчасти обитель разнаго рода овощами. Видъ на этотъ огородъ съ восточнаго возвышенія тоже не лишенъ эстетическаго интереса. Обрамленный со всѣхъ сторонъ высокими, развѣсистыми деревьями, а въ сторонѣ къ зданіямъ монастыря плодовымъ садомъ, огородъ, начиная съ первыхъ дней весны, постоянно мѣняется въ своей картинѣ. Съ начала весны вы видите его перерѣзанными линіями грядъ. Гряды эти, точно съ математическою точностію проведенныя линіи, накученные и обработанныя самымъ тщательнымъ образомъ, представляются съ возвышенія какбы другъ на другѣ, амфитеатромъ (*) расположенные

(*) Въ такомъ поэтическомъ видѣ и представлены эти гряды на картинѣ «Тихвино-Богородской общины», писанной и литографированной въ 1843 году. Литографія эта украшаетъ стѣны многихъ домовъ г. Кирсанова. Впрочемъ, невиданный въ натурѣ нынѣшняго Тихвино-Богородскаго монастыря будетъ обмануть сказаннымъ нами видомъ, сня-

пласты какого-то неизвѣстнаго матеріала. Съ дальнѣйшимъ ходомъ весны пласты эти мѣняются цвѣтъ свой: то являются темнокрасными, за тѣмъ темнозелеными, доколѣ наконецъ сплошная зелень не закроетъ и гряды, и смежный садъ, и обременяющія гряды деревья. Тогда цѣлое море зелени, съ оттѣнками разныхъ цвѣтовъ, наполняетъ эту, описываемую нами половину обители, довершая идилическую красоту цѣлой обители.

Таковы мѣстность и видъ Тихвино-Богородскаго женскаго монастыря. Обратимся теперь къ его исторіи.

Свящ. Іоаннъ Сладкопѣвецъ.

(Продолженіе будетъ)

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Преосвященнаго Феодана, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго.

Въ прошедшее воскресенье учила насъ Церковь вопіять: *Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ*. Нынѣ она хочетъ возвестъ насъ къ воодушевленной рѣшимости: *возставъ иду*. Для того въ притчѣ о блудномъ сынѣ съ одной стороны изображаетъ горестное состояніе грѣшника, — въ отдаленіи отъ Бога; — съ другой — отраду и покой, въ какіе пріемлется кающійся небеснымъ Отцемъ.

Пойдемте вслѣдъ сего грѣшника за его паденіемъ и возстаніемъ. Рѣдкій изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, не найдетъ въ немъ своей исторіи, въ ка-

зытъ въ 1848 году. Первое: въ настоящее время много воздвигнуто въ обители зданій новыхъ, довольно обширныхъ, въ замѣнъ старыхъ келій, положенныхъ на картину; второе и главное: теперь нѣтъ той высокой колокольни, которая такъ выпукло представлена на картинѣ и даетъ особенный видъ цѣлому. Колокольня эта въ 1852 году пала, и теперь осталось только ея основаніе.

кихъ бы то нибыло чертахъ—свѣтлыхъ или мрачныхъ. Потому пересматривая ее, мы будемъ учиться самопознанію; но все въ тѣхъ видахъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ сказать: *возставъ иду...* возставъ отъ большаго или малаго паденія

Возвратитесь мыслію къ тому времени, когда въ прошлой годъ мы поговѣли, исповѣдались и причастились. Въ какомъ тогда блаженномъ состояніи была душа наша?! Какъ свѣтло видѣлось ей и въ себѣ и во кругъ себя, и надъ собою и въ дали прошедшаго и въ глубинѣ будущаго! Какая тишина царствовала вокругъ сердца!.. Какой пошелъ порядокъ жизни, какая степенность въ замыслахъ и крѣпость въ исполненіи добрыхъ преднамѣреній! Какая готовность искать единаго Бога и ходить неуклонно путемъ заповѣдей Его... Намъ казалось, что никого нѣтъ блаженнѣе насъ... мы говорили себѣ: никогда уже неизмѣнимъ начатой исправной жизни, — чтобъ никогда не потерять сей отрады— и всегда принадлежать небесному Отцу, прикосновеніе попечительной десницы Коего ощущало сердце наше.

Какъ дѣйствительно блаженны тѣ, кои самымъ дѣломъ устояли, хоть не въ полной мѣрѣ, въ своихъ преднамѣреніяхъ и ожиданіяхъ: но все ли такъ?! Не большая ли часть повторила исторію блуднаго?! Припомните... вотъ прошелъ вразумительный, остепеняющій постъ, наступили свѣтлые праздники, за ними цвѣтущее время года... мы позволили ли себѣ льготу, какъ бы какое право отдыха, по несеніи ига строгой жизни, какую проводили дотоль. Чтобъ навсегда предаться утѣхамъ, намъ и въ голову не приходило. Въ первый разъ только и однажды хотѣли погулять. Но первое впечатлѣніе оставило замѣтный слѣдъ въ душѣ, и довольно разшатало установившіеся было порядокъ.

Ревность о строгой жизни ослабѣла... и мысль часто отбѣгала на вкушенное невинное удовольствіе. Иное изъ положенныхъ благочестивыхъ занятій опущено... хотя не безъ замѣтки, но и безъ должнаго сокрушенія. Вотъ представился случай, — и опять развлеченія и утѣхи. Тутъ мы утѣшились смѣлье, — и если благія мысли приходили остепенять насъ, отревали ихъ съ дерзостію, какъ безвременныя... Плодомъ были — мракъ и смятеніе. Мы чувствовали, какъ тяжело и стѣснительно принятое нами иго... и намъ часто впадало на мысль — не бросить ли? Придетъ благопріятное время, — опять начну работать Господу, — а теперь можно послабить... и вотъ пошли послабленія за послабленіями!! Между тѣмъ привычная страсть подняла голову и начала свои бесѣды съ сердцемъ... Какъ знакомые, скоро сладили опять. Понукались соуслажденія и предметами и дѣлами страстными, соуслажденія колебавшія и волю. Частыя повторенія сего родили склоненіе на прежнее... Произошло сложеніе — и внутреннее паденіе совершилось. Представился случай — и паденіе совершенно дѣломъ. Далѣе паденіе за паденіемъ... наконецъ все пришло — внутри и вѣдь — въ прежнее грѣховное разстройство, — мы стали похожи на блуднаго сына, когда онъ все промотавъ, въ удаленіи отъ отца, насъ свиной и питался ихъ пищею.

Сличи же, кто подвергся сему несчастію, то, что теперь есть, съ тѣмъ, что было. Поскорѣн и поплачь. Какъ было все свѣтло, а теперь мракъ вокругъ... чистыя попятія и истины Божіи будто все покрадены и на мысль не приходятъ, и пришедши кажутся пеллятыми. Какъ отрадно было намъ въ церкви присутствовать за священнодѣйствіями, а теперь холодомъ вѣетъ отъ всего церковнаго и мысль бѣжитъ отъ него. Вѣднее наше со-

стояніе и неизмѣнилось можетъ быть; но внутри тоска и туга безотрадныя точатъ душу... и никакія утѣхи и услажденіе не могутъ смягчить сей внутренней раны. Все сіе вѣдаетъ падшій и испытываетъ дѣломъ и, можетъ быть, болѣе того, что можно сказать описательному слову сторонняго наблюдателя. Но, бѣдная душа! ужели невозвратно предашь ты себя въ руки паденія своего? Такъ останешься, какъ есть? и, поревновавъ паденію блуднаго, непоревнуешь подражать ему и въ возстаніи? Приди въ себя!.. Смотри, какое тамъ запустѣніе, какое оскудѣніе во всемъ и разстройство? Это ли красота, какою украшена ты въ твореніи и искупленіи? Тебѣ ли, образъ Бога носящей, такъ преклоняться долу и валяться въ нечистотѣ? Воскреси въ мысли своей достоинство свое и поревнуй возстановить его.

Не смотри на то, что виѣшнія твои отношенія исправны; дороги не эти отношенія, а отношенія вѣчныя — къ Богу и святымъ Его. А они каковы? Мысль о Богѣ страхомъ поражаетъ, но не сыновнимъ, а страхомъ преступника. Такъ ли сему подобаетъ быть у насъ—чадѣ Божіихъ? Поставь себя въ сонмъ святыхъ. Устоишь ли тамъ? Нѣтъ. — Но такъ ли сему подобаетъ быть у насъ съ тобою — призванныхъ быть сожителями святыхъ и присными Богу?—Что же, такъ и останешься, и не поревнуешь упорядочить сихъ разстроенныхъ отношеній?! О, поревнуй! Иначе погибнешь! Нынѣ, завтра смерть. Съ покрытіемъ гробовой доски закроются для насъ двери милосердія Божія, если не попечемся вникнуть въ нихъ прежде того. А тогда что?—О, той бѣды и слово не выразить. Не отлагай же. — Вотъ приходитъ время благопріятное... теперь же положи намѣреніе воспользоваться имъ во спасеніе и готовиться къ тому;—всячески самъ

себя повели и раздражай всѣми способами, какіе оставлены твоей свободѣ всеустроющею благо-датію.

А Господь близъ! (Филип. 4, 6). Онъ ждетъ только, чтобы ты сказалъ: *возставъ иду*. И прежде, чѣмъ приближишься ты къ Нему, Онъ сръбитъ тебя и заключитъ въ отеческія объятія любви Своей. — Смотри, сколько уже обитаетъ въ домѣ Его рабовъ, служащихъ Ему! И между ними мало ли такихъ, которые падали паденіемъ подобнымъ твоему. Смотри! Вотъ Магдалина, вотъ Пелагія, вотъ Марія Египетская! — Вотъ Петръ Апостолъ, — Закхей, разбойникъ, — Моисей Муринъ и проч., коимъ числа нѣтъ... не отчайся, но и не медли. Беззаконій твоихъ не помянетъ Господь и за радость возвращенія твоего, имѣющаго обрадовать все небо, возвратитъ тебѣ все потерянное тобою.

Все сіе самъ знаешь. Испыталь уже сладость возстанія, его удобство и утѣшительныя плоды. Возымѣлъ несчастіе снова пасть?... Попытай же ошастливить себя новымъ возстаніемъ. Сколько бы ни падалъ кто, Господь охотно принимаетъ его, когда возстанетъ. Но если онъ броситъ себя и со-у-слажденіемъ обречетъ на то, чтобы валяться въ тинѣ грѣховной, броситъ его Господь, и — кто вѣсть — воспомянетъ ли когда! Возбуди сію память Божию заботою о возстаніи, — и Онъ придетъ и Самъ возстановитъ тебя, подастъ тебѣ руку и извлечетъ тебя изъ глубины, въ которой погрязнешъ ты! Не отложи воспользоваться остающеюся тебѣ мѣрою долготерпѣнія... и все употреби, чтобы воодушевить себя... собери вокругъ сердца все возбуждательныя истины, наведи на себя лучи ихъ и съ неба и съ земли, и изъ настоящаго и изъ будущаго, чтобъ взойти тебѣ наконецъ до рѣшимости сказать: *возставъ иду*, и за тѣмъ встань и иди. Иди

ко Отцу небесному, Который ждетъ тебя, и не только ждетъ, но ищетъ, — всеми мѣрами печется обратить мысли твои къ Себѣ и къ прежнему обиталищу твоему!—И Онъ будетъ благопопечивакомъ тебѣ.

Сего пожелаемъ мы взаимно себѣ другъ другу, въ большемъ ли, или маломъ кто стоитъ надежнѣе, пожелаемъ,—и побудимъ другъ друга... чтобъ не по одиночкѣ, а всемъ вмѣстѣ возвратиться къ Отцу, и стать едино съ Нимъ и всемъ домомъ Его, и всемъ царствомъ спасаемыхъ, ублаженныхъ и имѣющихъ быть ублаженными во вѣки. Аминь.

ДОМАШНЕМЪ ЗАНЯТИИ ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНЪ

СВЯЩЕННЫМЪ ПИСАНИЕМЪ.

(Продолженіе)

Самое лучшее доказательство того, что никакія опасности не могли принудить первенствующихъ христіанъ разстаться съ словомъ Божіимъ, представляетъ то время, въ которое воздвигнуто было особенное гоненіе на слово Божіе и за слово Божіе. Сами язычники не могли не видѣть, какое вліяніе имѣли св. книги на христіанъ, и сколь много были привязаны къ нимъ христіане. Но сему-то Императоръ Діоклетіанъ издалъ указъ объ отобраніи св. книгъ у христіанъ и истребленіи ихъ огнемъ, цѣлю котораго было изгнать совершенно, если бы только это возможно было, изъ всего міра слово Божіе. «Хотя нѣкоторые, какъ читаемъ въ актахъ мученическихъ того времени, выдали тогда писаніе Господа и Божественные заветы (безъ сомнѣнія это были слабѣйшіе члены общества христіанскаго) на святотатственный огонь и отпали отъ вѣры: одна-

кожъ большею частію христіане до конца сохранили писаніе, такъ что за него охотно пролили кровь, и чрезъ то, какъ мученики, своею смертію подтвердили опредѣленіе церковное, по которому предатели были отлучаемы отъ Церкви. На поле сраженія отовсюду приходили безчисленныя толпы исповѣдниковъ, и располагались, гдѣ только находили врага своего» ⁽²¹⁾.

Изъ числа многихъ, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя частныя мѣста изъ описанія подвиговъ мученическихъ того времени, которыя съ особенною силою говорятъ о томъ, какое благоговѣніе и любовь питали древніе христіане къ св. книгамъ, и какъ много они занимались чтеніемъ слова Божія.

Св. Евпла мучили за то, что онъ вышелъ на мѣсто сѣдлица съ Евангеліемъ, и торжественно предъ всѣмъ собраніемъ исповѣдалъ его закономъ Господа своего. Среди ужасной пытки Кальвизіанъ, начальникъ мучителей, спросилъ его: «что откроешь теперь, что скажешь о тѣхъ книгахъ?»

Евплъ: «что прежде говорилъ, то и теперь исповѣдую: я христіанинъ, и читаю Божественныя писанія.»

Кальвизъ: «почему ты доселѣ имѣлъ у себя, «и не выдавалъ этихъ книгъ, которыя запрещены императорами?»

Евплъ: «потому что я христіанинъ, и мнѣ не позволено выдавать ихъ; лучше мнѣ умереть, нежели выдать сіи книги. Въ нихъ заключается жизнь вѣчная; кто выдастъ ихъ, тотъ теряетъ жизнь вѣчную. А чтобы мнѣ не лишиться жизни вѣчной, то я охотно жертвую жизнью временною». —Ему привязали Евангеліе на шею и въ такомъ видѣ отсѣкли голову ⁽²²⁾.

⁽²¹⁾ Act. mart. Ruinatr.

⁽²²⁾ Act. S. Evpl. Et martir. Ruinatr.

Въ страданіи Св. мучениць Агапіи, Хіоніи и Ирины находимъ слѣдующее: языческой предсѣдатель Дульцетій говоритъ Ирину: «твое безумное у-порство видно изъ твоихъ поступковъ: ты даже до «сего дня сохранила у себя такъ много пергамен-«товъ, книгъ, дощечекъ (Tabulas) и листовъ печес-«тивѣйшихъ христіанъ и, когда эти книги были «открыты, ты сама признала ихъ таковыми, нестра-«шась ни казни, какой подверглись твои сестры, ни «смерти. Почему мнѣ необходимо должно подвер-«гнуть тебя такому же наказанію,—однакожь и те-«перь я еще могу оказать тебѣ нѣкоторое благово-«леніе: если только ты захочешь признать боговъ «нашихъ, то можешь освободиться отъ всякой каз-«ни и опасности. Что скажешь на это? Согласна ли «ты исполнить повелѣніе императоровъ?»

Ирина: «нѣтъ, нѣтъ, свидѣтельствуюсь въ томъ «Всемогущимъ Богомъ, Который сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ.»

Дульц: «Кто былъ причиною того, что ты до «сего дня сохранила эти пергамены и писанія.»

Ирина: «Богъ Всемогушій, Который повелѣлъ намъ любить Его даже до смерти, и потому мы не «осмѣлились предавать Его; но желаемъ лучше или «быть сожжены живыми, или претерпѣть все, что-«бы ни приключилось намъ, нежели выдать такія «писанія.»

Дульц: «Когда въ прошломъ году въ первый «разъ обнародованъ былъ императорской указъ: то «гдѣ вы скрывались.»

Ирина: «Тамъ, гдѣ было угодно Богу—на го-«рахъ; знаетъ это Богъ, мы были подъ Его покро-«вомъ.»

Дульц. «когда возвратились вы съ горъ, какъ ты говоришь, читали ль вы тѣ писанія, и при «комъ?»

Ирина: «они были въ домѣ нашемъ; почему мы чрезвычайно скорбѣли о томъ, что немогли заиматься ими день и ночь, какъ это обыкновенно дѣлали мы отъ начала и до того года, когда припуждены были скрыть ихъ.»—Св. Ирина точно также была допрашиваема въ другой разъ, и тѣ же давала отвѣты, пока наконецъ мучитель, вмѣсто книгъ, не повелѣлъ сожечь ее самую, и она съ веселымъ духомъ шла до мѣста казни, съ пѣніемъ псалмовъ взошла на костеръ, и такимъ образомъ окончила жизнь свою ⁽²³⁾. До такой степени простиралась любовь первенствующихъ христіанъ къ св. писанію!

Часто въ пѣдрѣ самыхъ семействъ своихъ христіане встрѣчали, можетъ быть, еще важнѣйшія препятствія къ тому, чтобы спокойно поучаться въ законѣ Господнемъ. Часто между самими близкими, между супругами, родителями и дѣтьми не было согласія въ вѣрѣ и, тогда какъ одни дѣлались чадами свѣта и поклонялись Богу истинному,—другіе съ упорствомъ изступленнымъ оставались еще во тьмѣ язычества. Можно представить крайность положенія души христіанской въ такихъ обстоятельствахъ. «Какія пѣсни», съ сокрушеніемъ жалуется на несчастія братій, поставленныхъ въ такихъ обстоятельствахъ, одинъ изъ пламенныхъ поборниковъ христіанства,—«какія пѣсни будетъ воспѣвать мужъ при своей женѣ (язычницѣ), или жена при своемъ мужѣ (язычникѣ)? Вѣрно, тотъ или другая изъ нихъ должны будутъ слышать что нибудь или изъ театра, или изъ питейнаго, или изъ распутнаго дома. Гдѣ тутъ память о Богѣ? Гдѣ призваніе Христа? Гдѣ питаніе вѣры чтеніемъ св.

(23) Act. Aqar. Cion. Et Iren. Ruicart.

(24) Tertull. Vol. VII. c. 6.

«книгъ» ⁽²⁴⁾? Но и въ такомъ тѣсномъ положеніи христіане умѣли удовлетворять необходимымъ потребностямъ своего духа; отвращаясь, сколько можно, всего нечистаго, могущаго сквернить языкъ и слухъ, они тѣмъ болѣе старались освящать уста и сердце свое словомъ Божіимъ;—а иногда, надѣясь на силу его, даже нарочно произносили священные слова во услышаніе язычниковъ,—хотя бы это не согласовалось съ ихъ желаніемъ,—имѣя въ виду единственно обращеніе ихъ на путь истины. «Пріучи малютку дочь свою, писалъ Іеронимъ къ одной римлянкѣ Летѣ, «чтобы она, увидѣвши дѣда своего (язычника), бросилась къ нему на шею, прижималась къ груди его, и, не смотря на то, расположенъ, или не расположенъ онъ ее слушать, нагѣвала ему: «аллилуіа» ⁽²⁵⁾.

Такъ боролось юное царство Христово съ древнимъ царствомъ діавола, и такъ мало по малу на развалинахъ темнаго міра языческаго возникалъ свѣтлый міръ небесной истины, принесенной на землю Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ! И укорененныя вѣковыми вѣрованіями заблужденія идолопоклонства постепенно падали; сила Слова Божія отъ времени до времени покоряла себѣ самыя необразованные умы, самыя дикія сердца. «Кто бы сему повѣрилъ, пишетъ Іеронимъ, «чтобы люди говорящіе варварскимъ языкомъ,—Готскимъ, стали «требовать оригинальнаго Еврейскаго текста (писанія)? И между тѣмъ, какъ наши Греческіе ученые «спятъ или спорятъ, Германцы испытуютъ писанія; «руки ихъ, вращавшія доселѣ только мечи, и персты, некусные только пускать стрѣлы, приіочаются «къ перу, и воинскій духъ ихъ смиряется христіанскою кротостію» ⁽²⁶⁾. «Армянинъ сложилъ колчанъ

⁽²⁵⁾ Посл. къ Летѣ.

⁽²⁶⁾ Ad Sm. Et Tretel. Т. III.

«свой, Гунны изучаютъ псалмы Давидовы, среди «льдовъ Скиѣи пылаеть пламень вѣры» (27). Предъ свѣтомъ Божественной Христовой истины помрачился совершенно и скудный свѣтъ философіи, на которую такъ много надѣялись и которую такъ много гордились упорствовавшие язычники. «Проповѣдники истины—Пророки и Апостолы», пишетъ «Феодоритъ, «хотя не обладали греческимъ краснорѣчіемъ; но, будучи исполнены истинной мудрости, они сообщали всѣмъ народамъ, грекамъ и варварамъ, Божественное ученіе, и своими писаніями о добродѣтели и религіи наполнили всѣ землю и море. И теперь всѣ, оставивъ нелѣпости философовъ, находятъ лучшую пищу для себя въ ученіи рыбарей и мытарей, и предпочитаютъ всему писаніе скинотворца. Никто не знаетъ болѣе названія школъ Италійскихъ, Римскихъ и Элейскихъ, — время истребило въ людяхъ память объ нихъ; напротивъ имена Пророковъ, хотя они болѣе, нежели 15 столѣтіями древнѣе тѣхъ философовъ, всѣ и повсюду носятъ въ устахъ своихъ. Древнихъ языческихъ мудрецовъ не знаютъ сами язычники; напротивъ имена Матѳея, Варооломея, Іакова, Моисея, Давида и другихъ Пророковъ и Апостоловъ они знаютъ также хорошо, какъ имена своихъ дѣтей» (28).

(Продолженіе будетъ)

(27) Ad Laet.

(28) Graec. affect. Cyr.

21 Генваря 1861 г. Печатать дозволяется. Цензоръ Протоіерей
Іоаннъ Москвинъ.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Государственныхъ Имуществъ.